

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

БАБОЧКИ
В ЦИФРОВОМ МУЗЕЕ



Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Бабочки в цифровом музее

«Автор»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Врублевская Г. В.

Бабочки в цифровом музее / Г. В. Врублевская — «Автор»,
2020 — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 978-5-43-11-0232-5

Полина Зайцева, перешагнув порог сорокалетия, участвует в испытании музейного аттракциона «дополненной реальности». Фотографии из личного архива помогают воссоздать ее прошлое. Надевая цифровой шлем и очки, она погружается в свою юность, где встречает не только давних знакомых, но приобретает новых. Современные технологии воссоздают иллюзию живого общения в новом мире. Полина слышит запахи, ощущает прикосновения, испытывает чувства. На роковых развилках она сворачивает на другую дорогу, приобретает новый опыт жизни. Но что удивительно: обновленное в сеансах прошлое изменяет судьбу героини здесь и сейчас! На фоне экспериментального проекта протекает обычная жизнь музея, наполненная интригами, влюбленностями, финансовой озабоченностью. И конечно же поиском героиней своего личного счастья!

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-43-11-0232-5

© Врублевская Г. В., 2020
© Автор, 2020

Содержание

1. Встреча в музее	6
2. Мужчины в её жизни	13
3. Общее собрание в музее	20
4. Жизнь на берегу озера	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Галина Врублевская

Бабочки в цифровом музее

© Врублевская Г.В., 2020



1. Встреча в музее

Музей игровых и торговых автоматов переживал не лучшие времена. Его хранитель – Полина Валерьевна или Полина, как называли её большинство сотрудников, – каждый месяц отмечала в журнале убыль экспонатов. Железные агрегаты теряли вид, с них слетала цветная эмаль, обнажая ржавую основу. Устройства, найденные чуть ли не на свалках, выходили из строя одно за другим.

Развалу музея предшествовала катастрофа в жизни Полины. Однако Полина скрывала душевную боль от окружающих и внешне демонстрировала даже лёгкую беспечность. Худощавая фигура, облегающие джинсы и короткая курточка, тёмные волосы, приподнятые на затылке в игривый хвост, – весь её облик рисовал почти счастливую молодую женщину. Она и выглядела моложе паспортного возраста, хотя уже пересекла черту сорокалетия.

В понедельник она, как обычно, пришла на работу в музей и заметила многолюдье у кассы. Ребята, по виду старшеклассники, дурачились, шумели, шутливо задевали друг друга. Что за нашествие! Где их руководитель? Полина направилась к стойке администратора, где с посетителями уже общалась студентка-практикантка Виталия Величко. Блондинка, с распущенными по плечам волосами, она возвышалась за стойкой, как королева. С лёгким небрежением к подросткам, облепившим стойку, она отрывала им билеты, выдавала диктофоны аудиогидов и разговаривала с единственным взрослым, стоявшим у кассы. Её разметавшиеся по плечам волосы слегка вздрагивали в такт её словам:

– Предлагаю вам обзорную экскурсию по музею, для детей у нас хорошая скидка!

Полина остановилась, не доходя до стойки, и прислушалась к разговору.

Мужчина, стоящий к ней спиной, с лёгкой хрипотцой уточнил:

– Я хотел бы сам показать своим ученикам советские питьевые автоматы. Они ведь действующие?

Полина напрягла слух. Интонации говорившего и сам стиль речи вызвали в памяти что-то неуловимо-знакомое, хотя этот хриловатый голос слышала впервые, да и облик человека ей не вспомнился. Желтовато-седая проседь в русых волосах, сгорбленная спина, обтянутая тонким трикотажным свитером, мешковато сидящие на низкорослой фигуре тёмно-синие джинсы – нет, этого человека она видит впервые.

– Почти все автоматы неработающие, – покачала головой Виталия. Разве что настольный хоккей в главном зале да ещё парочка игровых автоматов. А торговые автоматы все не работают!

– А что так, починить некому? Мастера-ломастера нанять не можете?

Услышав слова «мастера-ломастера», Полина вздрогнула, и в голове мелькнуло озарение: «Митрич! Юрий Дмитриевич Ольшевский, наш физик!» Быстрый подсчёт пробежавших со дня окончания школы лет высветил сегодняшнюю цифру возраста в те годы молодого учителя – примерно 55 лет. Со спины он казался старше – такое случается, если осанка подкачала. Сердце продолжало отчаянно биться. Полина подошла к стойке и встала рядом: они были одного роста – он!

– Юрий Дмитриевич!

Мужчина повернулся: чуть прищуренные глаза за стёклами очков, крупный рот, нос, поредевшие на темени пегие волосы, зачёсанные назад. Митрич был в её школьную пору совсем молодым и очков не носил, и всё же Полина прониклась уверенностью: он!

– Мы знакомы?

– Я училась у вас, четверть века назад. Полина Зайцева.

Черета лиц, фамилий, имён замелькала в голове учителя физики. Он давно заметил, что дети меняются сильнее, чем взрослые. Сколько бывших выпускников подходило к нему на улице, а он не узнавал их!

– Напомните, пожалуйста, вы какую школу оканчивали?

Полина назвала номер школы. Юрий Дмитриевич покачал головой.

– Из моих первых выпусков... Зайцева, Зайцева...

Тень узнавания промелькнула в его глазах:

– Ну как же, как же! Девочка с косичками, завязанными бантиками разного цвета! Вроде бы один был красным, другой белым! В классе, где я был классным руководителем! Я никак не мог понять, почему ты... или вы так упорно не хотели следовать школьному распорядку, вплетать тёмные ленты. Помнится, даже завуч просила меня как-то повлиять на вас: носить одинаковые ленточки, как все носят.

Губы Полины растянулись в широкой улыбке:

– Было дело, Юрий Дмитриевич, нарушала порядок!

– Хотела обратить на себя внимание какого-либо героя-одноклассника? Ох и трудно мне тогда было с вами, подростками, – опыта ещё не имел! Особенно с девчонками сложно было управляться.

– Если бы в одноклассника! Вы не поверите, Юрий Дмитриевич, что я в вас была влюблена! Вас пыталась заинтересовать вас своими бантиками. – Полина пыталась обратить в шутку свои прежние чувства, как и положено взрослой женщине, но внутри снова почувствовала себя беспомощной школьницей.

– Вот те на! Надеюсь, Полина, вы нашли своего Онегина и всё у вас сложилось наилучшим образом?! А как мой предмет? Пригодилась вам физика в жизни?

– Конечно пригодилась, Юрий Дмитриевич! Я ведь Институт связи окончила. Поэтому меня и взяли в этот технический музей!

– Так что же вы нам покажете в своём музее? Питьевой автомат, сказали, не работает. А я надеялся, что ребята подержат в руках гранёный стеклянный стакан, попьют водицы...

– Санэпидстанция нам не разрешила использовать один стакан, как раньше. А с бумажными стаканчиками уже нет той советской ауры! Сотрудники со своей тарой иногда ходят на водопой. Но мы что-нибудь придумаем для ваших ребят.

Полина взяла рекламный буклет своего музея и, развернув его в одну большую карту, пояснила учителю, где какие экспонаты расположены и в каком состоянии. Музей располагался на производственных площадях ныне закрытого завода, и потому все экспонаты были видны как на ладони.

Группа удалилась в глубину помещения, а Полина заторопилась в служебную комнату. В просторном кабинете в гордом одиночестве за компьютером сидел недавно принятый на работу художник-визуализатор Денис Шустиков – молодой парень с соломенно-рыжим ирокезом на голове, выпускник изобразительного факультета пединститута. Ещё один стол в комнате пустовал.

Компьютерного художника взяли специально под новый проект. Директор и хозяин музея Виктор Данилович Петренко планировал изменить профиль учреждения. Поддержание в рабочем состоянии старых шкафов-автоматов требовало больших финансовых затрат и не приносило ожидаемой прибыли, поэтому директор присматривался к новым трендам в технических музеях. А всюду уже внедрялись новые компьютерные технологии. С их помощью создавалась объёмные виртуальные пространства, дома, улицы и те же игровые шкафы-автоматы. В живой мир стремительно проникали элементы дополненной реальности, будь то объёмное изображение вазы с цветами, скульптуры, а то дерева, вписанных в реальный интерьер или пейзаж. Ещё не сложилось устойчивого названия этого чуда, и музейщики пока оперировали аббревиатурой «виар» – от английских букв VR.

Художники-визуализаторы в единой связке с программистами создавали обманчивые миры. Посетители музея, надев особый шлем и очки, погружались в зыбкую реальность.

Денис уже заготовил базу данных нужных картинок, но работа стопорилась, поскольку его напарник-айтишник недавно уволился, недовольный зарплатой.

Заметив вошедшую Полину, художник тряхнул задиристым гребнем на голове:

– Взгляни на фотку! Узнаёшь место?

В очереди домов на экране компьютера Полина без труда узнала Невский проспект её юности. Тротуары, покрытые унылым серым асфальтом вместо гранитных плиток сегодняшних дней. И манекены, выставленные в витринах магазина, как и застывшие на тротуаре пешеходы, выглядели как в прошлом веке.

– Из Сети скачал картинку? – не удивилась Полина, глядя на кадр: интернет был полон исторических фоток.

– Ты смотри, смотри внимательно! – Денис ткнул в какую-то клавишу, и картинка пришла в движение – запустилось видео. На экране быстрыми шагами передвигалась довольно молодая женщина в свободном пальто с широкими плечами, модными в 90-е. – Узнаёшь?

Полина, стоя за спиной Дениса, склонилась к экрану и узнала в женщине зрителя своего музея:

– Татьяна Ивановна! Она что, старое видео принесла, и ты его крутишь?

– Где твоя фантазия, Зайцева? – усмехнулся Денис. – Я сам создал это видео! Наложил молодую фотку нашей Татьяны на питерские улицы и – о-па, готово!

– И что же в этом нового? По сути, серия коллажей – давно придумано!

– В этом решении много нового!

Денис начал объяснять Полине тонкости голографической программы, и в этот момент в комнату вошла сама зрительница – Татьяна Ивановна Быховец, интеллигентного вида пухленькая пенсионерка с русыми подкрашенными волосами, переходящими в седину у корней и убранными в куций пучок на макушке. По своей должности сотрудница всё время находилась на виду, поэтому на ней было надето нарядное трикотажное платье с каким-то геометрическим принтом. Всё бы ничего, но у Татьяны Ивановны мелко дрожала кисть руки, и казалось, что она не то кого-то подзывает к себе, не то предостерегает посетителей – очень часто ими оказывались подростки – от проказ. Женщина страдала начальной формой болезни Паркинсона, однако с обязанностями пока справлялась.

Полина придвинула стул для Татьяны Ивановны, усадила её ближе к экрану.

– Просто замечательно! – похвалила зрительница Дениса. Вглядываясь в смоделированное видео, она мысленно перенеслась в свою юность. При этом её лицо помолодело, и стало больше сходства с прежним обликом. Даже палец перестал дрожать – ей нравилось погружаться в прошлое!

– А что будет, когда наденете шлем и очки, – будете смотреть не со стороны, а окажетесь внутри этого кино! – растянулся в довольной улыбке Денис. – Не захотите назад в сегодняшний день возвращаться!

И снова дверь служебной комнаты приоткрылась: на пороге стоял учитель физики:

– Моя ученица, Полина Валерьевна тут? Хотел бы попрощаться и поблагодарить за интересную экспозицию. А можно взглянуть, чем вы тут занимаетесь? В общих чертах, так сказать.

Оставленные без надзора ученики почувствовали себя свободнее, Шум в коридоре усилился. Татьяна Ивановна поспешно встала и направилась к выходу:

– Я сейчас займу ребят чем-нибудь интересным.

Учитель, придвинув стул, подсел к компьютеру. Денис вкратце обрисовал алгоритм программы. Учитель воодушевился:

– Здорово! Моделируете лазерное изображение, причём с большой экономией ресурсов! Вы знаете, я ведь работал над диссертацией по этой теме! Правда, при школьной нагрузке

наукой некогда заниматься – так и забросил! Но сейчас времечко появилось, я из школы ушёл – профессиональное заболевание горла, – только кружок робототехники веду. Будет нужна помощь – обращайтесь!

– Помощь нам бы не помешала! – отозвался Денис. – У нас программист на днях уволился, а осталось всего ничего – довести программу до ума: причесать, устранить баги. И можно выставлять продукт на экспозицию!

– Да что вы говорите! Тогда, может, меня возьмёте на его место, хотя бы на полставки? – оживился учитель. – Я, когда из школы ушёл и появилось времечко, освоил новые программы, веб-курсы по сайтостроению прошёл. Даже сертификаты имеются. В общем, в курсе всех интернет-новшеств!

– Это вам к директору надо обратиться! – чуть покраснев, ответила Полина.

Сердце её застучало быстрее. Перспектива работать вместе с любимым учителем казалась невероятной. Шум в коридоре заставил физика прервать разговор. Юрий Дмитриевич извинился и вышел из комнаты. Уже в коридоре громко хлопнул в ладоши:

– Все замолчали! Отошли от автоматов и шагом марш к выходу! Подождёте меня на улице! – Хриплые отрывистые команды и даже жесты учителя выглядели угрожающими, и взгляд его стал жёстким, недобрым. Ученики, подталкивая друг друга в спины, заторопились к выходу.

Полина, следовавшая за учителем в коридор, вздрогнула. Разве в её школьные годы учитель был так же строг с ребятами, будто ефрейтор? Он запомнился ей как принц, недоступный и прекрасный, и все его слушались с полуслова. Неужели жизнь так меняет людей? Профессиональное выгорание? Или изменилось её восприятие?

Юрий Дмитриевич подошёл к Полине, пригладил ладонью пегую прядь волос на темени – лицо его снова обрело доброжелательность и светский лоск. Учитель похвалил новый компьютерный проект и попутно отпустил комплимент по-девичьи стройной фигуре бывшей ученицы. Давно Полина не чувствовала себя такой привлекательной женщиной и таким компетентным специалистом. Нечто подобное она испытывала, как ни странно, в те далёкие годы, когда физик рисовал в её дневнике красными чернилами огромную пятёрку и хвалил за блестяще выполненное задание. Напоследок бывший учитель повторил просьбу о своём желании работать в музее. Полина обещала посодействовать ему, хотя не была уверена, что директор пойдёт навстречу. Смущали возраст претендента и отсутствие опыта работы по специальности. И всё же попытка не пытка:

– Юрий Дмитриевич, сегодня директора нет на месте, он у нас на два фронта разрывается: работу своего музея курирует и в администрацию района вхож. Сегодня справляет свои чиновничьи обязанности. Но я дам вам его телефон. Поговорите с ним. И я со своей стороны замолвлю словечко.

Едва шумная компания вместе с учителем удалилась, как Полина набрала телефон директора Петренко и, чуть запинаясь, сообщила ему, что появился соискатель на должность программиста. Узнав, что кандидату за пятьдесят и что опыт работы его в данной области невелик, директор с ходу отказал. Но Полина, преисполненная желанием помочь учителю, не отступала:

– Виктор Данилович, я ручаюсь за этого специалиста! Он даже кандидатскую диссертацию написал по этой теме, по лазерной голографии – только времени не было оформить и защитить. А программированием и робототехникой занимается почти год, как ушёл с преподавательской работы.

– Полина, но вы сказали ему, что у нас зарплата маленькая? Частный музей, материальная база слабая.

– Он согласен! Ему сама тема интересна. А денег учитель может и репетиторством зарабатывать!

– Что ж. Я поговорю с ним, и, возможно примем, с испытательным сроком.

– Так я передам учителю, что может оформляться?

– Я завтра буду в музее. Пусть он подойдёт ко мне. Хочу лично с ним пообщаться. А у меня к вам, Полина, тоже маленькая просьба: приглашаю вас в субботу на чиновный корпоратив. Мероприятие состоится в шестнадцать часов в центре города!

– Приглашаете меня? Или весь коллектив?

– Полиночка, – голос Петренко прозвучал ещё мягче, – я приглашаю лично вас! Вы же ведущий сотрудник музея, а значит, должны быть на связи с администрацией района! Вечер устраивается в замечательном месте – в старинном особняке. Роскошные залы с красивым декором, уютное кафе, столики, дискотека для желающих.

– Может, Дениса с Виталией пригласить? – упиралась Полина. – Ещё Эмма Борисовна – вчетвером и придём!

Полина была уверена, что жена Петренко Эмма Борисовна, она же бухгалтер музея, будет на празднике непременно, потому и посчитала её в предполагаемом списке.

– На такие мероприятия с жёнами не принято приходить, а бухгалтер, как сотрудник, не занимается разработкой культурных программ музея. Там, за рюмкой чая, будут решаться стратегические вопросы. Соберутся представители администрации и работники музеев: хранители, методисты, кураторы выставок... – Помолчав, добавил многозначительно: – Баш на баш, как говорится. Я обещаю присмотреться к вашему протекже, а вы составляете мне компанию на корпоратив!

– Хорошо. Я согласна.

Полина отключила телефон, удовлетворённая разговором. Вопрос с работой Юрия Дмитриевича почти улажен. Однако и на корпоратив придётся пойти, что ж поделать. Она и вспомнить не смогла бы, когда последний раз выбиралась из добровольного затворничества. Но неожиданно почувствовала подъём и от этой перспективы!



У Полины растерялись все дружеские связи в последние годы. Единственный человек, с кем она могла откровенно общаться, – смотритель музея Татьяна Ивановна. Обе женщины были одинокими. Они и жили рядом – в одном подъезде и даже на одной площадке в панельной пятиэтажке брежневской постройки. Порой вместе возвращались с работы, обсуждая текущие события в музее, или говорили о личном. Полина была намного моложе соседки, но так получилось, что осталась без близких подруг и даже без родственников. Прошло уже два года, как Полина потеряла семью.

Вначале трагически погиб сын, лагая по крыше с друзьями. Эта гибель казалась чудовищной несправедливостью, потому что семья жила на первом этаже. С того дня жизнь перестала радовать Полину. Вскоре и муж ушёл от неё – мужчины редко выдерживают такие переживания: присутствие Полины напоминало ему об общем горе. Однако прежде, чем уйти от жены, попортил ей немало нервов: пил, буянил и потерял работу. Позже они оформили развод.

Двухкомнатная квартира осталась за Полиной: хотя юридически он оставался владельцем доли, но выехал, взяв в качестве отступного их общую машину. Впрочем, пользовался он ею недолго, разбив по пьяни о фонарный столб. Сам же отделался лёгкими царапинами.

У Татьяны Ивановны до поры до времени всё складывалось благополучно: любящий муж, вырастили дочь, дали ей образование. Но муж умер несколько лет назад, уже выйдя на пенсию, а взрослая дочь вышла замуж за иностранца и уехала в другую страну, оставив мать доживать свой век в одиночестве. Так и сложилась между соседками дружба – как общность двух одиночеств. И разница в возрасте почти в полтора десятка лет не мешала полноценному общению.

В подъезде все жильцы знали о постигшем семью Полины несчастье, но только отводили в сторону глаза, встречая соседку. И только Татьяна Ивановна – психолог по профессии и по призванию – не осталась равнодушной к убитой горем матери, потерявшей сына.

Однажды в промозглый осенний вечер она позвонила Полине в квартиру: в руках её была круглая коробка с тортом. Соседка заглянула под предлогом «просто поболтать», а в итоге оказала полноценную психологическую помощь.

Всю осень Татьяна Ивановна, с голубоватой флешкой с записанной на ней восточной музыкой, приходила вечерами в квартиру соседки. А однажды в глубоком трансе Полина увидела почти фильм.

На экране погасшего монитора светилось лицо маленького Феди в полукруге скафандра. Точно такая картинка, нарисованная ещё неумелой рукой ребёнка, до сих пор висела на стене в комнате сына: сидящий в ракете космонавт и в правом углу сверху – стилизованное солнце с расходящимися жёлтыми лучами. Но сейчас в прямоугольнике экрана в ракете на месте космонавта сидел её мальчик, улыбаясь, как Гагарин. Федюшка помахивал матери рукой, будто просил её не тосковать так сильно, а отпустить его душу в неведомое путешествие.

Благодаря беседам с Татьяной Ивановной Полина ожила, вновь стала проявлять интерес к работе, навела порядок в описании экспонатов и активно включилась в обсуждение перспектив музея. Но у Татьяны Ивановны в эти месяцы выявили опасное заболевание – болезнь Паркинсона. Женщина могла жить ещё много лет – прогрессировала болезнь медленно, – но работу психолога пришлось оставить. Соседка вышла досрочно на пенсию.

Однако деятельная натура Татьяны Ивановны не давала ей безмятежно сидеть на скамейке у парадной, да и пенсия оказалась маловата, на что она при встречах жаловалась Полине на неприкаянность. Поэтому, когда год назад в музее освободилось место зрителя зала, Полина переговорила с директором музея и пригласила на работу свою соседку.



С работы сотрудницы-соседки опять возвращались домой вместе. От метро шли по весеннему свежим парком Победы. Стройная Полина – в обтягивающих джинсах, короткой курточке, модных цветных кроссовках; пушистый хвост её волос слегка раскачивался в такт её шагам. Татьяна Ивановна едва поспевала за спутницей. Она была чуть ниже Полины, много полнее, заметно сутулилась, и даже платье с диагональными красно-синими полосками не могло скрыть недостатки фигуры. Татьяна Ивановна стремительно старела после постановки ей страшного диагноза, хотя видимые признаки болезни едва замечались: слегка подрагивающий палец да начинающая клониться вперёд фигура.

Женщины обсуждали внезапную встречу Полины с её любимым учителем. Эта новость, как и свежесть майского дня, пьянящий запах клейких листиков на деревьях и кустах наполнили Полину неопределёнными надеждами. Нежное вечернее солнце нескончаемого дня напоминало, что в Петербурге наступают белые ночи, порождая дополненную реальность без всяких ухищрений компьютерщиков.

– Меня так взволновала эта встреча! – призналась Полина. – Поначалу я просто ощутила себя Полиной-ученицей, без всякой критики. Потом напомнила себе, что я уже не девочка, да и он в возрасте. В общем, в голове страшный сумбур!

– А что в груди? Что ты чувствуешь, Полиночка? – задала привычный для любого психолога вопрос соседка.

– Что чувствую? – Полина прислушалась к себе, но ощутила лишь неясное стеснение в сердце.

– Полюночка, давай присядем, я покурю. – Не дождавшись ответа подруги, Татьяна Ивановна опустилаcь на свободную скамью из белых реечек, где не было других отдыхающих. Достала пачку сигарет, зажигалку и закурила.

Полина села с подветренной стороны, чтобы не вдыхать неприятный ей дым:

– Вы же собирались бросить курить. – Младшая подруга осуждающе покачала головой. – С вашим-то диагнозом...

– Да ладно, Полюнка, с моим диагнозом до ста лет живут, если не нервничают и вовремя принимают лекарства. А признайся, девочка: сейчас тебе не кажется, что он мог бы обратить на тебя внимание тогда, в прошлом? Если бы... если бы ты вела себя иначе?

– Не знаю, Татьяна Ивановна. Разве невозможен был бы и такой разворот событий?

– А ты сыграй для себя психодраму! Представь, что тебе снова семнадцать лет. Ты подходишь к нему и признаёшься в любви ...

– Нет, это невозможно! Он был учителем – недостижимая вершина для меня. Он и сегодня вызвал во мне огромное уважение и... слегка жалость. – Полина отмахнула ладонью от лица лёгкий дым, всё же долетающий от курящей соседки по скамье.

– Поскольку директор берёт учителя к нам на работу, у тебя появляется в жизни возможность второй раз войти в ту же воду, – с лёгкой иронией заметила подруга-психолог.

– Я попробую.

– Ну-ну! – Татьяна Ивановна пригасила сигарету, выбросила её в урну, встала со скамьи. – Ладно. Идём!

Следом встала и Полина, стряхнув жучка, упавшего с клёна на ладонь. Подруга права, что иронизирует над её мечтами. И зачем только она рассказала ей о своих детских чувствах? Недовольство собой и соседкой, вызвавшей её на откровенность, заставило Полину замолчать, замкнуться. Татьяна Ивановна уловила нежелание подруги разговаривать и тоже замолчала. Войдя в свой подъезд, соседки попрощались и разошлись по своим квартирам.

2. Мужчины в её жизни

Полина скинула куртку и кроссовки в прихожей, влезла в мягкие тапки без задников, усталая, направилась на кухню – ставить чайник – и застыла на пороге. За столом безмятежно сидел её бывший супруг Антон – с отёкшим сероватым лицом, и маленький курносый нос терялся в этой одутловатости. Серовато-грязные лохмы нависали над ушами. Недельная, наверно, небритость закрывала его щёки и подбородок. Он отхлёбывал чай из любимой кружки Полины с нарисованным зайчиком на боку.

Она бессильно опустилась на табуретку:

– Чертяка, напугал меня! Ты как сюда пробрался? Я же ключи поменяла!

– К счастью, ты оставила старые рамы и не установила решётки на окна! – усмехнулся незванный гость. – Только вот засада: после моего проникновения они плотно не закрываются. Но я принесу инструмент и сделаю.

Антон обернулся к окну: сквозь щёлочку боковой рамы поддувал лёгкий ветерок. Но в этот майский день такое проветривание было даже приятным.

Полина прикусила губу, мысленно ругая себя за самонадеянность. Размышляя, продавать эту квартиру или нет, она отложила планы на установку стеклопакетов, да и денег лишних не было. И ничто ведь не предвещало таких нашествий: окна её квартиры выходили на оживлённый внутридворовый проезд, мимо туда-сюда сновали люди, а неподалёку наискосок ещё располагался и районный пункт милиции. Но разве Антона остановят такие обстоятельства?

– Дай пожрать, подруга, – примирительно попросил Антон.

Полина вскипятила воду, заварила чай, разлила напиток по кружкам. Достав из холодильника, что было, сделала для Антона бутерброд с колбасой, а себе с сыром. Антон с жадностью накинулся на бутерброд, тотчас проглотил его и сделал уже сам себе второй. Расправившись и с ним, наконец приступил к деловому разговору:

– Слушай, Полин, такое дело. Я поживу у тебя месячишко. Строительство моего жилья что-то застопорилось, а за съём квартиры платить нечем. Я сейчас на мели.

Полина закатила глаза к потолку и вздохнула. Слишком хорошо она знала своего бывшего мужа – у него месячишко и в полгода может вылиться. Держать слово не в его привычке. Она взглянула на его засаленные лохмы, на обрюзгшее лицо, невольно вдохнула запах несвежей футболки:

– Конечно нет! Вначале заселишься, потом к холодильнику прилепишься, потом дружков-подружек приведёшь?!

Антон встал со своего места, обошёл стол кругом, остановился рядом с сидящей на краю табуретки Полиной и нежно опустил руку на её шею. Кисловатый запах водочного перегара захватил Полину. Она мотнула головой, скинула его ладонь.

– Не надо. Уходи, Антон!

– Мне негде жить.

– Но где-то ты ночуешь? Где-то лежат твои вещи?

– Знала бы ты, где я ночую, – вздохнул Антон. – Ладно, завтра уйду опять в подвал: спасибо, дворники-гастеры из жилконторы приютили. Но разреши ночку переспать, душ принять, постираться.

На миг сердце Полины дрогнуло, и она хотела выпросить, как и почему бывший муж оказался в подвале, но сдержала свой порыв отзывчивости и сухо ответила:

– Душ можешь принять, а потом выкатывайся! И футболку эту выброси, я сейчас тебе из старого, чистого что-нибудь в шкафу поищу.

– Да, сейчас скину. А ты мне станок для бритья поищи – я ведь оставлял его в этой квартире.

Прошло ещё полчаса, пока Антон мылся. Вышел посвежевший, с выскобленным подбородком и щеками, с волос ушла накопившаяся копоть и грязь, и он снова превратился в белёсого блондина. Снова попросил поесть и наконец выкатился на улицу.



Антон был самой большой ошибкой её жизни. Поженились они в институте, учились на одном курсе. И до рождения ребёнка продолжали вольную жизнь: по выходным крутились на аттракционах в ближайшем парке, гуляли в кафешках после стипендии и даже вместе посещали бассейн, если удавалось купить абонемент, подхалтурив на уличной рекламе. Вначале они жили в коммуналке, в комнате Полины (её мать к тому времени умерла, а отец снова женился и переехал к новой жене), а позже умерла бабушка Антона, и путём сложных комбинаций молодые переместились в эту двушку на проспекте со счастливым, казалось, названием – Космонавтов.

Полина и Антон защитили дипломы в один год, получив квалификацию инженеров по военным приборам. Но тогда, на рубеже веков, оборонная промышленность переживала кризис, и найти работу по специальности им не удалось. Антон, вспомнив увлечение студенческих лет скалолазанием, устроился убирать зимой снег с крыши, а летом чинить кровлю. Полину приняли на работу секретаршей в небольшую фирму, продававшую телефоны. Вскоре она ушла в декретный отпуск. В Музей игровых аппаратов она устроилась позже.

Когда появился Федюшка, Антон, утомлённый вечно плачущим ребёнком, все реже и реже бывал дома. Как-то бездетная подруга Полины встретила Антона в ночном клубе, где он зажигал с какой-то девицей, и рассказала о его времяпровождении жене. Однако Полина предпочитала не видеть и не слышать этого, думая лишь о ребёнке. Целыми днями готовила еду для малыша и семьи, чистила, намывала всё вокруг. И всё же обстановка в семье подтолкнула к развитию у Полины послеродовой депрессии. Она вдруг потеряла ко всему интерес и теперь лежала целыми днями, лишь вынужденно давая ребёнку грудь. Муж наконец заметил её состояние и отправил в поликлинику. Врач после тщательного осмотра настоятельно рекомендовал посещать бассейн. Иначе, сказал, придётся её госпитализировать.

Антон согласился проводить с ребёнком два вечера в неделю. Сыну было почти десять месяцев, так что его можно было оставить на отца, а Полина купила абонемент в бассейн. Плавала она хорошо, поскольку мать водила её в бассейн ещё в детстве, и теперь, вырвавшись из однообразия забот о маленьком ребёнке, рьяно старалась использовать отведённое на плавание время. Она, опустив голову в воду, делала сильные гребки руками и быстро одолевала всю длину бассейна. На средней дорожке, предназначенной для умелых пловцов, народу всегда было мало, а порой она и вовсе пересекала бассейн в полном одиночестве. Но однажды, потеряв бдительность, не заметила присутствия другого пловца и так разогналась, что впилилась головой в плечо парня, плывшего навстречу. Внешне почти неотличимый от других мокрое лицо, наполовину закрытое очками для плавания, голова, обтянутая чёрной спортивной шапочкой. Отличался он лишь некорректным поведением на дорожке: плыл посередине, а не держался разделяющей линии, как положено. Вынырнув из воды после столкновения, оба дёрнулись в разные стороны и благополучно разошлись. Однако на следующих тренировках Полина уже проплывала мимо него с опаской, хотя парень теперь размахивал руками осмотрительнее.

Однажды товарищ по дорожке подошёл после тренировки к столику в вестибюле, где сидела с чашечкой кофе Полина. Налил себе кофе из стоявшего рядом автомата, присел напротив – завязался лёгкий разговор о порядках в бассейне. Там, в воде, он не произвёл на неё впечатления: слегка костлявый, какой-то худосочный – даром, что длинный. Но сейчас, в разговоре, она наконец разглядела его. Влажные после душа волосы слиплись тонкими прядями и топорщились, особенно непослушной казалась короткая чёлочка, по-детски спадавшая на лоб.

А карие глаза, прикрытые длинными ресницами, были устремлены куда-то в сторону, будто парень стеснялся смотреть на Полину. По виду совсем мальчишка, лет семнадцати! Когда позже он сказал, что ему двадцать, она не поверила: определённо прибавил годков! Поведение его было по-юношески эпатажным. Почему-то не назвал своё имя, а важно объявил:

– Называй меня просто Поэт!

Эра соцсетей с присущей ей анонимностью и никами наступила чуть позже, но парень, опережая время, напускал на себя загадочность. Впрочем, для случайного знакомства в бассейне это было уместным – такая вот игра! Полина подыграла новому знакомому – опустив имя, представилась музой русского писателя Тургенева:

– Виардо!

Юный Поэт улыбнулся и продемонстрировал, что и он в теме:

– Ты любишь Тургенева?

– Очень! А ты, конечно, пишешь стихи, господин Поэт?

– Я не просто пишу стихи, я каждой клеточкой своего тела Поэт!

Все следующие вечера за чашечкой кофе товарищ по водной дорожке читал ей стихи известных поэтов, и Полина, чуть шевеля губами, неслышно повторяла знакомые с юности строки вместе с ним. Свои стихи читал редко, оправдываясь тем, что они у него ещё в работе. Также Поэт сказал, что, хотя работает сейчас, летом, на аттракционах в парке, собирается вскоре поступать в Литературный институт в Москве. Читая свои стихи, он закатывал глаза к потолку, так что тёмные зрачки прятались под ресницами. Казалось, вверх устремляется и его душа. Полине мальчишка нравился, но, общаясь с этим романтичным, как ей казалось, школьником, она испытывала лёгкую грусть, понимая, что её юность прошла. Однако Поэт, казалось, не замечал разницу в возрасте и всё заметнее оказывал Полине знаки внимания – наливал из автомата кофе, подвигал ей поудобнее стул, – несмотря на то что она почти сразу призналась, что дома её ждут муж и маленький ребёнок.

Задерживаться в бассейне Полина не могла, но оба уже не представляли сеанс плавания без этого сладкого послесловия: без кофе, разговоров, стихов. И теперь они пораньше выбирались из воды, не дожидаясь финального свистка тренера, чтобы подольше посидеть в кафе вестибюля. Поэт, когда читал стихи, уже не закатывал глаза, а пронзал Полину глубоким влажным взглядом из черноты зрачка, и его прекрасные ресницы лишь едва вздрагивали. Оба подавались плечами друг к другу, и казалось, только столик кафе мешал им обняться. Но Полина, взглянув на часы, висевшие в вестибюле, вспоминала, что ей пора домой, и, тихо вздыхая, чуть отодвигалась от мальчика вместе со стулом.

Неизвестно, к чему бы привело их дальнейшее поэтическое общение, но однажды всё оборвалось. Поэт пришёл в последний раз. Он пришёл и сообщил, что его вызывают в Москву для прохождения творческого конкурса в Литинституте. Сказал, что домашнего телефона у него нет (а мобильных телефонов ещё не было ни у кого). Спросил телефон Полины – для него она по-прежнему была Виардо. Она покачала головой: нет, она не может дать свой телефон... Однако назвала сквер, где обычно гуляет с коляской. Там он всегда сможет найти её в определённый час.

– Понимаю: муж, свекровь... – высказал Поэт догадку. – Ну ладно, пусть будет сквер. А я решил сделать тебе подарок: свои стихи!

Поэт помолчал, затем достал из спортивной сумки самодельный блокнот в зеленоватой обложке, полистал его. Листки стихов, распечатанные на компьютере и скрепленные степлером, веером прошелестели перед лицом Полины.

– Даже не знаю, смогу ли я такой подарок принять. – Полина сразу подумала о своём ревнивом муже. Однако взяла в руки блокнот – и тут разглядела на зелёной обложке написанные почему-то карандашом слова: «Стихи Константина Симонова».

Полина раскрыла первую страницу: «Жди меня, и я вернусь/только очень жди...».

Лёгкое разочарование отразилось на её лице: действительно, Симонов.

– Это стихотворение я знаю, спасибо.

Полина, чуть шевеля губами, прочитала про себя стихотворения на следующих страницах. Все они оказались ей незнакомы и слегка шероховаты по форме. Возможно, из ранних стихов Симонова. Она уже почти закрыла блокнот, Но Поэт остановил её руку:

– Прочитай последнее – я его сегодня утром для тебя сочинил. И все остальные стихи мои, кроме первого. Я же знаю, что у тебя муж и всё такое... Поэтому замаскировал сборничек под Симонова. – Влажная чёлочка на лбу Поэта поднялась дыбом.

Полина с лёгкой улыбкой прочитала посвящённые ей строки:

Ты в серебряном блике света
Отдыхаешь, устав слегка.
Ты в простые одежды одета,
Очень близкая издалека.

Весёлые искорки промелькнули в её глазах:

– Спасибо, конспиратор ты мой! И прощай!

– Лучше – до свидания! Я ведь буду приезжать в Питер к родителям! А может, меня ещё и не примут в Литинститут.

– Обязательно примут!

Поэт проводил Полину до автобусной остановки. Они постояли рядом, подержались за руки, но на большее не решились. Подъехал автобус, Полина вскочила в салон и помахала Поэту уже через оконное стекло.

Со временем мимолётное знакомство с юным Поэтом превратилось для Полины в романтическое воспоминание. Самодельный сборник стихов она поставила на полку книжного шкафа и вскоре забыла о нём.

После трёх месяцев регулярного хождения в бассейн Полина окрепла и вернулась к своим обязанностям. Первое время, гуляя с Федюшей в сквере, она ещё оглядывалась по сторонам, выискивала глазами Поэта, но скоро это невинное приключение забылось совсем.

Для Антона эти месяцы тоже стали особенными. Занимаясь с малышом, он привязался к ребёнку, а когда сын подрос, охотно стал проводить с ним свободное время. Он водил его на те же аттракционы в парке, куда в студенческую пору они ходили вместе с женой: на колесо обозрения, на цепные качели, на головокружительные «тарзанки». Больше внимания стал уделять и жене.

Казалось бы, жизнь семьи наладилась, Полине только хотелось, чтобы Антон сменил работу, ведь у него имелся диплом инженера. Но, проработав несколько лет кровельщиком, Антон не хотел иного. Начальство жилищно-коммунального хозяйства его ценило, шло навстречу, давая при случае отгулы, а высоту он любил.

Он сам и вывел раз сына-подростка на крышу – показать ему красоту города сверху, – но сын превзошёл отца. С группой ребят заделался руфером, прыгающим по этим самым крышам, – и вот трагический исход: погиб в пятнадцать лет.

Полина винила мужа в гибели сына, тот и сам считал себя виноватым, что не заметил опасное увлечение ребёнка, не заметил, как горели глаза мальчика, когда отец с лёгким хвастовством рассказывал о своей работе. От безутешного горя Антон запил и вскоре был уволен с работы. Какой кровельщик под градусом! Позже устроился посредником на выездной торговле, оказался предоставлен самому себе и скатывался всё ниже. Когда он возвращался домой, от него всё чаще пахло перегаром или водочкой – он называл эти следы «издерж-

ками заключения сделок». Видимо, бутылка водки в иных случаях становилась смазочным материалом.

Шумные разборательства, скандалы, возрастающая неряшливость двойной нагрузкой ложилась на Полину – мать, потерявшую ребёнка. У неё не было «лекарства», как у Антона, и её страдания шли прямо через сердце, иссушая её. Она заметно постарела от горя и выглядела почти анорексиком – без груди, ввалившиеся щёки и ранние морщинки, бегущие от носа к губам. Если бы не помощь Татьяны Ивановны, Полина могла бы и в психушку попасть! Но с той поры, как удалось освободиться от Антона, оформить развод, жизнь её стала налаживаться. Она даже поправилась на несколько килограммов, так что и щёки её округлились, и сгладились едва обозначенные морщинки на лице. Однако оставалась болезненная стройность фигуры, которой могли бы позавидовать и профессиональные фотомодели!

Этим вечером, собирая на новый день свою сумочку, она обнаружила, что из потайного места в кухонном шкафу исчезли все деньги, до последнего рубля! Там лежала крупная сумма. Полина весь год копила себе на отпуск, легкомысленно сохраняя деньги дома, а не на банковской карте! Сейчас она убедилась, что Антон не забыл местоположение когда-то их общего тайника, а ей и в голову не могло прийти, что он распорядится им, как собственным кошельком. Теперь денег не осталось ни на отпуск, ни на новые решётки на окна.

От бессилия Полина не могла даже заплакать, её грудь сковало, будто льдом. Она одна, совершенно одна. И даже дома не может чувствовать себя в безопасности.

Слёзы на глаза навернулись только тогда, когда она забралась в свою постель.



Наступила долгожданная суббота. Корпоративная вечеринка работников администрации проходила в старинном особняке на Неве: золочёные карнизы, плафоны, расписанные маслом известными художниками, гобелены на окнах, красивого узора дубовый паркет. У высоких – под фуршет – столиков, покрытых белыми скатертями, толпились сотрудники администрации и приглашённые гости, держа на весу бокал с вином или бутерброд с икрой. На общем столе стройными рядами стояли бокалы с золотистым или кроваво-красным вином, и рядом на блюдах аппетитные канапе – крохотные бутербродики с насаженными на шпажки деликатесами.

Виктор Данилович сновал между столиками: чисто выбритая голова, как магический шар, поблёскивала лысиной на макушке, пиджак нараспашку, а едва наметившийся животик, обтянутый белой рубашкой, аккуратно заправлен под брючный ремень. И дорогой галстук тёмно-синего цвета с выпуклым узлом у шеи, напоминающий один из галстуков Президента. Хотя Петренко недавно перешёл на работу в администрацию, все его знали и он знал всех. Он перекидывался словами со своими коллегами и с приглашёнными гостями. Уже несколько раз возвращался к угловому столику, где скромно стояла рядом – но не вместе – с посторонними женщинами и Полина. Виктор Данилович опекал свою сотрудницу: то подводил к столику чиновников, знакомил их с хранителем своего музея, то пристраивался ненадолго сам с бокалом вина или чашечкой кофе.

Полина поначалу чувствовала себя скованно, выпрямившись у столика с тарелкой в руках, будто официантка: тёмное её платье с узким белым воротничком, плотно прилегающим к шее, походило на униформу работника кафе. Но после пары бокалов сухого вина напряжение ушло, щёки её порозовели, и слегка расширились зрачки её карих глаз, придав загадочность и очарование её облику. В очередной раз Петренко подошёл к столику один. Остановился перед Полиной, склонил свою шарообразную голову и протянул вперёд руку:

– Приглашаю вас на танец, дорогая гостья!

У Полины ноги уже сами пританцовывали в такт играющей в зале музыке, поэтому она охотно откликнулась на предложение потанцевать.

Танцевал партнёр превосходно, несмотря на лишний вес, легко крутился сам и вертел партнёршу, распуская танцующих рядом коллег.

Когда музыка ненадолго прекратилась, на сцене зала появились энергичные аниматоры. Они профессионально шутили, зазывая гостей принять участие в конкурсах и викторинах. Но Виктор Данилович предложил партнёрше пройти вместе с ним в доступное лишь для избранных небольшое кафе. Красивые белые двери с золотым ободком-прямоугольником были плотно закрыты, но легко поддались движению руки чиновника.

– Проходите, Полина Валерьевна, это у нас как бы кают-компания для высшего руководства. Здесь можно спокойно поговорить.

Вошли в небольшой зал кафе, сели напротив друг друга за столик у окна. В эту белую ночь вид за окном казался искусно нарисованной картиной. Застывшая в медленном течении широкая Нева, а на другом её берегу – гармоничное трио Петропавловской крепости: шпиль, устремлённый в небо, и два купола, тянущихся за ним. Официант принял заказ у новых гостей и отошёл.

– Ну как, Полиночка, нравится вам наша команда управленцев?

Директор и прежде в обращении иногда опускал отчество, но Полиночкой называл очень редко. Она почувствовала волну тепла в груди, будто ей признавались в любви.

– Всё нормально, Виктор Данилович.

– Давайте Данилыча опустим, – расплылся в улыбке кавалер. – Я же не намного старше вас. Поди, могли бы и в студенческие годы столкнуться. Скажем, вы – первокурсница, а я – аспирант! – фантазировал чиновник.

Казалось, оба сейчас перейдут на «ты», но этого не случилось. Полина держала себя в руках и старалась не поддаваться на подходы начальника.

Вскоре на столе появились заказанные блюда: салаты с сыром и зеленью, какие-то мясные шарики и небольшой графинчик коньяка.

Выпили по рюмочке, ели не торопясь, разговаривали о банальном: о еде, погоде.

Наконец Виктор Данилович завершил трапезу, вытер губы салфеткой и позвал официанта, чтобы расплатиться.

Затем позвонил своему шофёру, и вскоре машина подкатила к старинному парадной, выходящей на набережную Невы.

Через полчаса бесшумный «мерседес» домчал пару к дому Полины. Несмотря на позднее время, вокруг было так же светло, как днём, ведь наступил уже июнь – пора белых ночей. Пассажиры вышли из машины и остановились у куста сирени, прямо перед окном Полины.

– Ну вот, здесь я живу.

– На каком этаже? – поинтересовался Виктор Данилович.

– На последнем, – зачем-то солгала Полина, хотя солидный чиновник, в отличие от непутёвого мужа, очевидно, не полезет к ней в окно, даже узнав, что её квартира находится на первом этаже. – Дальше не провожайте.

– Ну как же! Я вас провожу до квартиры. Вдруг, пока мы поднимаемся по лестнице, надумаете меня пригласить выпить кофе!

– Нет-нет, я не могу!

– Не можете или не хотите? Я почему-то думал, что вы одна живёте. Я ошибался?

– Да, какая разница, с кем я живу? – грустно усмехнувшись, произнесла Полина. Ей вдруг стало обидно, что печать одиночества уже легла на её лицо. – До свидания, Виктор.

Полине пришлось сделать над собой усилие, чтобы назвать сегодняшнего компаньона без отчества. Войдя в квартиру, она успела посмотреть сквозь щелку занавески, как Виктор

задумчиво курил, стоя под кустом сирени, как бросил окурок в сторону урны, но промахнулся. Прошёл неторопливо к машине и, открыв заднюю дверцу, влез внутрь.

Полина облачилась в домашнюю пижаму и устало опустилась на диван. Какая же она дура! Грудь тоскливо сжалась, заняло в животе: организм своего требует, мается она без мужика – почему не пригласила Виктора в квартиру?! Опять, как школьница, ждёт принца на белом коне, отвергая кавалера в чёрном «мерседесе».

3. Общее собрание в музее

Полина не оправдала ожидания директора – не пригласила его к себе после приятно проведённого вечера, – однако Петренко не выказал обиды. Он верил, что его час настанет. Однако в музее теперь бывал редко, поскольку работа в администрации требовала много сил и времени. Формально он переписал бизнес на жену-бухгалтера, а по факту жизнь учреждения координировала Полина.

В последний день июня директор попросил сотрудников остаться после работы на собрание. Разместились, как обычно, в просторном зале основной экспозиции, где вдоль запylённых кирпичных стен выстроились металлические шкафы – бездействующие игровые автоматы советского времени: «морской бой», «авторалли», а также мутноватые стеклянные кубы для вытаскивания мягких игрушек управляемыми щипцами. Ввиду отсутствия запчастей автоматы практически не подлежали ремонту.

Сотрудники расселись вокруг стола с полем игры в хоккей и миниатюрными хоккеистами, прикрытыми стеклянным колпаком.

Полина уже две недели исполняла обязанности директора музея, и сегодня Петренко должен был объявить о её назначении остальным. Она выглядела серьёзнее, чем всегда: высокий выпуклый лоб, ровный нос и чуть подкрашенные, крепко сжатые губы – даже привычный хвост она завязала двойным узлом над затылком. И села на стул за хоккейными воротами – теперь ей предстояло стать главным защитником команды! Справа от неё расположилась смотритель Татьяна Ивановна Быховец, в новом, снова пёстром платье, призванном скрывать не только изъяны располневшей фигуры, но и произвольные подёргивания её руки от Паркинсона. Русые высветленные волосы, уложенные в замысловатую причёску, выглядели как сухой пучок пакли. А слева от директрисы устроился Денис Шустиков – высоко вскинутые брови над зеленоватыми глазами и стрижка в виде вычурного золотистого гребня на голове. Художник сидел, откинувшись назад и вытянув чуть в сторону длинную ногу, закованную в белый гипс. На днях парень мчался на работу на электросамокате, впился в столб и сломал голень. И хотя по утрам он теперь ездил на процедуры в поликлинику, после обеда, опираясь на костыли, добирался до работы. Его костыли мирно стояли тут же, прислонённые к спинке стула.

Щупловатый, как подросток, механик Василий Васильевич сидел обособленно и держался независимо: дескать, вы все умники и гордецы с вашими компьютерами, но игровые автоматы никто, кроме меня, чинить не умеет! Хотя и он уже не мог справиться с игрушками для взрослых.

У других хоккейных ворот сидели Петренко, учитель Юрий Дмитриевич и студентка-кассир Виталия.

Семь человек: хоккейная команда и судья-хозяин!

– Сегодня у нас насыщенная повестка дня. Но вначале я хочу представить вам нового директора. – Петренко улыбнулся сидящей напротив Полине. – Прошу любить и жаловать: Полина Валерьевна Зайцева! Мы с ней уже обсудили план работы на ближайшее время, поэтому я передаю ей слово!

Раздался оживлённый гул, взгляды всех устремились на новую директрису.

– Да-да, ваше высочество, просветите нас, ваших подданных! – растянул рот до ушей Денис, тряхнув своим ирокезом.

Полина укоризненно посмотрела на художника:

– Прекрати паясничать, Дениска! Нам, действительно, предстоит много работы. Программа «Прогулки по Петербургу» до сих пор пребывает в сыром виде – то и дело зависает. А железные автоматы все мёртвые – Василь Васильич тратит деньги невесть на что, а запасных деталей купить не может!

Механик опустил голову. Его изрытое от старых угрей лицо порозовело, клочок засаленных волос упал на глаза.

– Извините, госпожа Полина, у меня каждая копейка на учёте: пришлось ремонтировать электропроводку и покупать новый трансформатор взамен сгоревшего.

Полина перевела взгляд на Юрия Дмитриевича:

– А как ваша работа по созданию аттракциона «Версия новой жизни»? Скоро приступим к фазе испытаний?

Сейчас учитель находился в непривычной ему роли ученика, с которого требовали контрольную работу. Однако виноватым себя не чувствовал, поскольку пока приходилось подчищать баги за предыдущим программистом. Но оправдываться не захотел, а лишь пожал плечами, отведя глаза в сторону.

Полина продолжала перечислять трудности, стоящие перед коллективом:

– А Виталия, экскурсовод! То у неё зачёты, то экзамены в институте, то просто не пришла! Вот сегодня явилась чуть ли в середине дня!

– А что Виталия?! Виталия, между прочим, скоро будет специалистом по новым музейным технологиям, не то что некоторые! – Племянница хозяина надеялась, что эта должность достанется ей прямо сейчас, ещё до защиты диплома. Но дядя Витя пренебрёг родственными интересами! Назначил эту дамочку – видно, глаз на неё положил!

Виктор Данилович укоризненно взглянул на девушку, но она не унималась:

– Вы, Полина Валерьевна, лучше обратите внимание на зрителя: она с больничных не вылезает! А когда приходит на работу со своей трясучкой, всех посетителей только распушивает!

– Мы этот вопрос решаем! – вновь взял слово хозяин. И, заступаясь за племянницу, напомнил присутствующим, что у неё сейчас ответственная пора экзаменов, поэтому ей приходится пропускать работу. Полина недовольно заметила, что Виталии следовало хотя бы отпроситься, а не сбегать тайно, как девчонка с уроков.

Юрий Дмитриевич с любопытством всматривался в лица своих новых коллег, пытаясь разобраться в истинной расстановке сил.

Хозяин всего этого бардака Петренко подёргал пальцами неподвижные сейчас рычажки хоккейной игры и, подводя итоги, сказал:

– Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Железом больше заниматься не будем – пора сдать его в металлолом! Оставим лишь парочку шкафов-автоматов для оформления экспозиции. Наш продукт для посетителей – виртуальные экспозиции и аттракцион личного участия в ней. Нам выделен грант от комитета по культуре на разработку нового проекта виртуальной реальности. Или, как её теперь называют, – виар (от английского VR).

– Не совсем поняла. – Татьяна Ивановна подалась плечами в сторону Петренко. – Вы предлагаете создавать компьютерные игры, чтобы посетители сидели у экрана и нажимали клавиши? Но это вчерашний день!

– А чего тут понимать? – воскликнул Денис. – Никто не будет сидеть перед экраном. Посетитель войдёт в этот цех, наденет шлем со специальными очками и забудет про цех. Ему будет казаться, что он вживую находится на улице, на природе или в каком-то доме. Увидит перед глазами что угодно: хоть советские торговые автоматы, хоть лодки на реке, хоть тигров. И не только увидит, но и начнёт с помощью пульта взаимодействовать с ними, как с реальными. База данных по Питеру – 3D-картинки – уже собрана. Улицы, институты, заводы, стадионы и прочая фигня – всё готово!

– И над персональной программой «Версия новой жизни» мы уже начали работать, – добавил Юрий Дмитриевич.

– Только начали? – нахмурился Петренко и посмотрел на Полину. – «Начали» – это как?

– Подбираем точку входа в новую версию жизни, – пояснила Полина. Её щеки чуть порозовели, поскольку именно по её вине всё ещё оставались вопросы, препятствующие вхождению в её прошлое.

Полина никак не могла выбрать точку отсчёта, с которой она начнёт менять свою жизнь. Детство и юность её устраивали, несмотря на подростковые трения с родителями. Её родители – простые рабочие (мать работала на телеграфе, отец – крановщиком на заводе) и не могли бы дать ей больше, чем дали. Слава богу, вырастили, выучили – и на том спасибо. Она не хотела других родителей – артистов, писателей или чиновников, – потому что любила своих настоящих: и рано умершую маму, и теперь женатого на другой женщине отца. Денис без проблем загрузил в базу компьютера фотографии и её родителей, и других родственников, и даже какие-то детские фотографии.

Но работа застопорилась, когда она начала вспоминать последний класс школы и вспыхнувшие тогда её чувства к Юрию Дмитриевичу! Теперь, когда бывший учитель сидел за компьютером в соседней комнате – и более того, сам составлял программу виар, – неловко было начинать программу с мечты о нём. Ведь появилась надежда на иное развитие событий и без вмешательства технологий!

«Я хотела бы, чтобы жизнь потекла по другому руслу после того, как я окончила школу!» – решила про себя Полина.

– Нам нужно продумать точку входа в программу и подработать базу данных. На это уйдет ещё несколько дней, – объявила наконец Полина.

Виктор Данилович примиряюще закивал:

– Что ж, у вас будет время подумать и над точкой входа, и над всеми другими точками, поскольку свободного времени сейчас будет много!

– Вы закрываете музей для посетителей? – спросила сметливая Татьяна Ивановна.

– Не только для посетителей, но и для сотрудников!

Сидевшие за хоккейным столом зашевелились, задвигались. Как?! Они все вмиг окажутся безработными? Хозяин выкидывает их на улицу? Денис уронил свой костыль на пол. Полина подняла его и поставила у стула. К груди её подкатилась горячая обида: Виктор назначил её директором музея, но не удосужился сообщить, что музей вот-вот прекратит работу с посетителями! Не сказал об этом, даже пригласив её на корпоратив в частном порядке.

Хозяин встал и торжественно, своим низким бархатистым голосом объявил:

– Друзья, наш музей сейчас переживает кризис, да и лето наступило: посетителей нет, и смотреть им у нас почти нечего. Самое время, чтобы закрыть наш музей и провести здесь небольшой косметический ремонт.

Сотрудники слегка выдохнули, узнав, что закрывать навсегда их никто не собирается. Петренко продолжил:

– Притом дело срочное. Вы же помните, что осенью у нас выборы губернатора, потому город выделил средства на культуру. А я, поскольку сам теперь работаю в районной администрации, выбил финансирование именно нашего музея! Мы должны быстрее закрыть эту позицию. Завтра вам завезут материалы, а в понедельник рабочие приступят к работе.

– Завтра?! – Полина охнула, потрясённая стремительным развитием событий. – Ремонт музею не помешает, но...

– Никаких «но»! Да, и должен вам сказать, что площадь собственно музея будет сокращена. Основное пространство цеха пойдёт под торговые киоски и точки питания. Здесь будет выстроен новый торговый центр!

– Но если будет ремонт и меняется концепция музея, то нам надо обсудить проект! – воскликнул Денис, впервые с полной серьёзностью подключившись к разговору. – Сделать эскизы дизайна, план экспозиций, служебные комнаты...

– Обсуждать у нас нет времени – я уже прикинул, что и как. Остальное обсудим с Полиной в рабочем порядке, – отклонил его предложение хозяин.

Денис обиженно поджал губы и встал, опираясь на костыли. Он, как художник, не мог равнодушно наблюдать всю эту спешку:

– Нечего так нечего. Тогда я пошёл. – Опираясь на костыли, он перекинул на шаг своё тело в сторону выхода.

– Постой, Денис! Все послушайте, господа! Я же главное ещё не сказал. Сотрудники музея могут при желании провести эту неделю отпуска в пансионате под Зеленогорском. У нашей администрации подписан с пансионатом договор на безналичное обслуживание. Каждому будет предоставлен отдельный номер и обеспечено питание! Для вас этот отдых будет бесплатен!

Виталию новость не слишком обрадовала:

– А что хоть за пансионат? Какая-нибудь пенсионерская богадельня?

– Ну что вы! – возразила Татьяна Ивановна. – Пансионат приличный, находится на берегу озера. Я там бывала. И погода хорошая! С удовольствием съезжу, отдохну.

– Вы и так всё время отдыхаете, – упрекнула женщину Виталия.

– Да, забыл сказать, – продолжил Петренко. – Пансионат оборудован современным креативом: бассейн, боулинг, бильярд, ресторанчик есть. Рыбалка, шашлыки, лодки также обеспечены.

Василий Васильевич промолчал, но хозяин заранее договорился с механиком, что тот останется в городе и будет наблюдать за ремонтом. Петренко подтвердил это:

– А ты, Василич, останешься тут – присмотришь за бригадой ремонтников, чтобы не халтурили.

– Всё будет тип-топ, товарищ начальник! – попытался пошутить Васильев.

Хозяин объявил, что сотрудники смогут выехать через два дня, что на воскресенье он закажет служебный автобус.

И под конец обратился к Полине:

– А с вами, Полина Валерьевна, я хотел бы обсудить ещё отдельные вопросы. Пройдёмте в служебный кабинет.

Виктор Данилович и Полина прошли в рабочий кабинет, где стояли два стола: один – директорский, другой – бухгалтера. Полина села за директорский – его она уже успела обжить после перехода Петренко на работу в администрацию района. А хозяин сел за стол жены-бухгалтера. И сообщил Полине ещё некоторые детали реорганизации. Сказал, что для музея останутся две служебных комнаты и примыкающая к ним часть коридора. Остальное отойдёт торговому центру. У них в музее на кассе также будет развёрнута торговля сувенирами.

Затем он неожиданно переставил свой стул поближе к Полине и, понизив голос почти до шёпота, попросил:

– Полиночка, завтра в музей заглянет Эмма Борисовна – ей какие-то платёжки надо с тобой обсудить...

После памятного вечера отношения между коллегами стали неформальными, и они незаметно перешли на «ты». Хотя при посторонних придерживались служебного этикета.

– Да, я знаю, Виктор. Она звонила.

– Так вот. Я тебя попрошу: если жена спросит, не говорить, что именно я пригласил тебя на корпоратив. «Добрый человек» донёс ей, что мы с тобой вместе мелькали на этой вечеринке. И кто-то видел, что я тебя на машине домой отвозил. Скажи, что комитет по культуре пригласил или ещё кто. Придумай, в общем, что-нибудь.

– Да, неловко получилось. У меня тоже нет охоты откровенничать с ней.

– Может быть, ещё куда-нибудь с тобой выберемся? Летом она часто на дачу выезжает. И я буду свободнее.

– Виктор! Мы же договорились: только работа, и больше ничего!

Полину всё сильнее раздражала двусмысленная ситуация с начальником. Ну да, посетила вместе с ним корпоратив, но углубления отношений она не желала. Тем более, что в её отношениях с физиком Юрием Дмитриевичем появилась какая-то теплота. Так что Виктор даже гипотетически не вписывался в её жизнь.

Виктор Данилович недовольно пожевал губами, надеясь, что в другой раз Полина будет сговорчивее. И вышел из кабинета.



Когда на следующий день Полина пришла на работу, в закутке за шкафом уже прихорашивалась перед зеркалом Эмма Борисовна. Вскоре бухгалтерша во всём великолепии появилась перед Полиной. Эффектная пухленькая блондинка под пятьдесят, одетая по-молодёжному: в чёрных кожаных легинсах, обтягивающих икры и бёдра, туфлях на модной платформе и в чёрном пиджаке, едва прикрывающем ягодицы. Её освежала белая рубашка мужского кроя, надетая под пиджак.

Женщины поздоровались, и Полина уже собралась передать бухгалтерше подготовленные распечатки документов. Но Эмма Борисовна – её супруг оказался предусмотрителен – сразу заговорила о личном:

– Я слышала, корпоратив администрации весело прошёл! Вас Виктор Данилович на мероприятие пригласил?

– Нет. Меня позвали от Ассоциации музейщиков, – слегка покраснев, ответила Полина и отвернулась к окну. Через разошедшиеся старые рамы слышалось воркование голубей на заводском дворе. – Какая сегодня погода прекрасная! Совсем лето наступило!

– Не люблю я конец июня, – вернулась к обсуждению отчёта бухгалтер, – опять баланс составлять, считать копейки. Жду не дождусь, когда музей прикроют, – висит гирей на шее!

– Но его ведь совсем не закроют! Виктор Данилович говорил, что как имиджевый проект музей будет существовать в небольшой части. Сейчас сделают ремонт, и...

– Я бы не стала на ремонт тратить, когда музеем от силы полгода жить. Но раз Витя считает, что нужен ремонт, – пусть будет ремонт. Кто будет прорабом: Василь Васильич?

– Да, он. Беспокоит только его безответственность.

– Раз Васильич взялся, всё будет в порядке – на него можно положиться!

Полина удивилась, насколько расходилось её мнение с мнением жены Петренко, но спорить не стала. Она закрыла файл с отчётом, выключила компьютер и вышла в фойе музея. Погладила прохладный металл автомата с газировкой – красный шкаф был приятен даже в нерабочем состоянии. Посмотрела в прицел пулемёта «морского боя». Постояла у опустевшего прозрачного короба с нависшими над мягкими игрушками щипцами. Один вопрос сверлил голову: «Зачем Петренко назначил меня директором, если планировал закрывать музей?».

Рабочий день закончился, и Полина с Татьяной Ивановной вышли на улицу.

Тепло, отдаваемое остывающими камнями и асфальтом от долгого солнечного дня, приятно ласкало лица. До сумерек ещё было далеко, весной и летом вечер – это день. Татьяна Ивановна предложила ей зайти в кафе, уже видневшееся за станцией метро. Обе иногда днём заходили сюда пообедать, но знали, что по вечерам здесь бывает совсем немного народу.

– Посидим, обсудим, Поляночка, начальные условия для твоей версии новой жизни. Решишь, будешь ли включать своего физика в программу. – Татьяна Ивановна улыбнулась.

– Ну какой он мой, Татьяна Ивановна! Я совсем не знаю его сейчас. Да и раньше, школьницей, мало что знала о нём.

Подруги сели в дальний угол у окна друг напротив друга, полистали меню в твёрдом коричневом переплете. Впрочем, выбор блюд был невелик, особенно для Татьяны Ивановны, руки которой дрожали и уже не могли удержать нож и вилку одновременно. Она заказала котлету с гарниром, а Полина – отбивной бифштекс. За неспешной едой Полина слегка успокоилась и вернулась к обсуждению своей неудачи с подготовкой проекта о личном прошлом:

– Допускаю, что другим людям эти заходы в прошлое интересны, но только не мне! Как только я начинаю ворошить давнее прошлое, так и к ближнему скатываюсь. Вы ведь знаете, в каком состоянии я была ещё год назад, когда вы меня к жизни вернули!

– Да, после развода с Антоном ты была очень неустойчива. Всё время говорила: «Если бы я могла вернуться в прошлое и сделать другой выбор!» Так попробуй! Тебе дана уникальная возможность: участвовать в эксперименте, да ещё получать за это деньги!

– Ну что мне даст эта виар-игра? Схожу в прошлое, придумаю иные варианты узловых точек, и...

– И сможешь изменить будущее! Ты молодая женщина, и впереди тебя ждёт много приятного! Нужно только приложить некоторые усилия, чтобы повернуть судьбу в счастливое русло. Да-да, не смейся, в счастливое русло!

– Может, вы посоветуете мне на сайте знакомств зарегистрироваться? – Полина, покачивая головой, отрезала на тарелке ещё кусочек бифштекса и отправила его в рот.

Татьяна Ивановна не торопясь жевала свою котлету. Снова заговорила:

– Не будем отвлекаться от темы, Полина! Я хочу, чтобы ты поняла: даже мысленно меняя прошлое, мы меняем вектор движения в будущем! Ты ведь помнишь, я тебе как-то рассказывала о морфическом поле в пространстве событий?

– Помню, но не верю. Поле, родственное электромагнитному, и оно связывает все человеческие души между собой, прошлые и будущие события, – отчеканила Полина, как ученица у доски. – И вы утверждали, что признаётся даже частью научной общественности!

– Я не утверждаю, а знаю, как знаешь и ты. Мы часто ощущаем чей-то взгляд спиной. Много и других доказательств, что через мысленное изменение прошлого можно влиять на будущее, склонять его к наилучшему варианту!

– Татьяна Ивановна! – воскликнула Полина. – Я не пони-маю!

– Ну что тут сложного! Прежнее прошлое стираешь, заполняешь его новыми вариациями. А там и будущее изменится само по себе!

– Так просто: старое стереть – новое нарисовать... Удивляют меня фантазии психологов!

– Хорошо, объясню тебе по-другому! Мечта, желание у тебя есть?

– Раньше было...

– Ну вообрази ещё что-нибудь! – приказала Татьяна Ивановна, взяв из подставки бумажную салфетку и достав из сумочки авторучку.

– У меня только одна мечта: окончательно избавиться от бывшего мужа, чтобы он отстал от меня окончательно. Чтобы я его больше никогда не видела!

– Так, рисуем стрелочку. – Татьяна Ивановна чиркнула авторучкой по диагонали салфетки маленькую стрелочку. – Теперь обозначь цель! Ну какой тебе самой нужно сделать шаг, чтобы приблизить мечту?

– Может, откупиться от него? Заплатить ещё раз за его долю?

– Прекрасно! – Психолог снова чиркнула шариковой ручкой, нарисовав ещё одну стрелочку, выходящую из той же точки, что и первая. Букетик из двух стрелок украшал теперь бумажную салфетку. – А теперь угадай, какая стрелка сильнее окажется: всё само решится или сможешь откупиться от бывшего?

Полина пожала плечами.

– А я знаю! *Жизнь никогда не идёт ни по стрелке мечты, ни по стрелке цели!* Судьба обычно распоряжается вот так. – Татьяна Ивановна снова взяла салфетку с начатым рисунком и соединила концы стрелок – получился замкнутый фиолетовый треугольник. – Вот он, треугольник желаний! Он получается при геометрическом сложении желаний и цели. Ты ведь знаешь, что такое геометрическая сумма?

Полина с улыбкой кивнула – ей ли, выпускнице технического вуза, не знать сложение векторов! И всё же она недоверчиво повторила:

– Но если так просто влиять на желаемое будущее через изменённое надуманное прошлое... Все бы могли управлять своей жизнью.

– Так и будет со временем. Но пока лишь тебе дарован уникальный случай: не просто сочинить новое прошлое, но и прожить в нём. А сейчас ты назовёшь мне – а главное, себе – точку входа в новую жизнь.

Полина на минуту задумалась и решительно сказала:

– Я могу для начала изменить институт, в котором училась на инженера. Пусть я окажусь студенткой университета, например на журфаке: я в школе в стенгазету неплохие заметки писала!

Подруги-сотрудницы разделались с горячим блюдом, заказали себе чай с пирожным и сменили тему разговора. Татьяна Ивановна рассказала о жизни дочери в Германии, о том, что та зовёт её в гости. Обсудили сложности с получением визы, с заказом билетов на самолёт и прочие тяготы, связанные с дорогой.



В воскресенье к трём часам дня сотрудники начали собираться у автобуса, ожидавшего их у музея. Кто явился лишь с дорожной сумкой, кто с чемоданом на колёсиках. А Денис, опиравшийся на костыли, ещё прислонил к двери музея удочку и этюдник – походный ящичек художника для работы на пленэре. Он приехал одним из первых, поскольку до места сбора его довёз на машине отец. Художника также опекала и деятельная красотка Виталия. Ветерок развеивал длинные волосы блондинки, и сама она кружилась волчком, возбуждённая недавно сданной сессией и наступившей свободой.

Юрий Дмитриевич сегодня тоже выглядел расслабленно и непринуждённо. Вместо утягивающего горло свитера – в нём он ежедневно являлся на работу – сегодня на нём была надета плотная рубашка в клетку с расстёгнутым воротом. Он громко поздоровался со всеми и отдельно улыбнулся Полине, а она не отвела глаз. Ему так шла улыбка! Учитель сразу стал моложе и добрее, и Полине даже показалось, что между ними проскочила искра!

Но Полина Валерьевна была не просто молодой симпатичной женщиной, а пока ещё и директором учреждения искусства. Поэтому она приняла официальный вид и поторопила всех, чтобы садились в автобус.

Все расселись. Только механик Васильев, с сигаретой в зубах, хмуро стоял чуть в стороне от автобуса.

– Давайте с нами, Василь Васильич! – доброжелательно помахала ему Татьяна Ивановна, одетая сегодня в утеплённый спортивный костюм серого цвета с устрашающим драконом на спине. – Пусть Петренко следит за ремонтом, раз затеял его!

– В другой раз, – с лёгкой хрипотцой ответил механик. – Кому гулять, а кому работать! Наконец все расселись по местам, и автобус тронулся с места.

4. Жизнь на берегу озера

Неделя отдыха показалась стремительнее рабочих недель. Едва приехали, разместились в комнатах, освоились – как уже и среда! Спали едва ли не до полудня, завтракали в номере тем, что принесли с ужина, и лишь в полдень выкатывались на природу. Вокруг пансионата имела ухоженная территория с геометрически выстроенными клумбами, а чуть дальше, за сосновым лесом голубела зеркальная поверхность озера с прохладной ещё водой. Полина чувствовала себя почти счастливой. Ведь из-за пропажи денег она не сможет этим летом поехать в более интересное место, а здесь такая чудесная природа!

Денис с загипсованной ногой, сидя на складном табурете, застыл над озёрной гладью перед раскрытым этюдником. В последние годы, рисуя только на компьютере с цифровой цветопередачей, он отвык от акварельных красок, и кисть не слушалась его. А так хотелось оживить на листе бумаги калейдоскоп зелёных пятен – шумящего листвою лета – на дальнем берегу озера! И бледно-голубое северное небо, и желтоватый шар солнца! В очередной раз размыв неудавшийся пейзаж, он отбросил кисть в сторону. Приблизился, опираясь на костыли, к сидевшей неподалёку Виталии с удочкой в руках. У девушки ничего не ловилось, поплавок оставался неподвижен, и она время от времени в нетерпении вытаскивала тонкую леску, проверяя, болтается ли ещё червячок на крючке. Если его не оказывалось, она призывала Дениса помочь ей насадить нового, опасаясь брать червяка в руки. И снова, взмахнув удилищем, закидывала поплавок в воду. Очередной червяк вместе с крючком зацепились за кусты.

Стеклянная банка, предусмотрительно наполненная водой для хранения будущего улова, сиротливо поблёскивала на солнце без единой рыбки.

– Что за невезение! – Виталия бросила на землю удилище и пожаловалась Денису: – Вот я как-то с отцом ездила на рыбалку и поймала вот такого окуня!

Девушка развела руки едва ли ни шире плеч, задев костыль Дениса.

– Какая тебе рыба в полдень! – покачулся он, но устоял на одной ноге. – Нужно было не дрыхнуть, а на зорьке бежать на озеро. Да и место, должно быть, это неподходящее. Спросила бы у сторожа, где тут у них ловят...

– Не ругай меня, Деня! Я хочу удить здесь, рядом с тобой...

Виталия нарочито заморгала длинными ресницами, а в её широко распахнутых глазах заиграли весёлые бесенята.

– И сама без толку здесь болтаешься, и мне работать не даёшь! – Денис притворно нахмурил брови и протянул Виталии один костыль, освобождая одну руку: – На-ка, поддержи! – И тотчас свободной рукой обнял Виталию за плечи, притягивая к себе.

Оба неловко опустили на траву, и Денис усадил Виталию на бедро здоровой ноги, лицом к себе.

Девушка обняла его, но неожиданно опустила руки и отстранилась от Дениса, сев рядом.

– Ты чего? – не понял Денис и, тряхнув гребнем своего ирокеза, оглянулся.

С крутого песчаного берега, перешагивая оголённые корни сосен, сбегала вниз Полина. Она сделала вид, что не заметила двусмысленной позы молодёжи.

Подойдя ближе, Полина объявила, что сегодня Татьяна Ивановна предлагает провести тренинг по созданию каждым участником новой дополненной реальности. Ведь так или иначе, работа над программой новой Версии прошлого будет продолжена!

Виталия хихикнула, бросив игривый взгляд на Дениса:

– Зачем нам тренинги и вымыслы, правда, Денчик?

– Да ладно, Виталия. Это же для нашего нового проекта надо!

– И для жизни не помешает, – уточнила Полина. – Так что после обеда вы не убегайте из столовой. Соберёмся все вместе и поиграем в новую реальность!

Полина повернулась и, взбежав вверх по песчаному откосу, пошла прочь от счастливой пары, ещё сильнее ощутив собственное одиночество.

После обеда сотрудники музея собрались в пустом читальном зале библиотеки – другие отдыхающие игнорировали это место, когда за окном светило солнце. Составив стулья кружком, коллеги разместились между стеллажами с журналами.

Татьяна Ивановна, в пёстром нарядном платье (в нём её видели и в музее), приподняла руку. О, чудо – рука сегодня не дрожала: видимо, солнечный свет и наполненный озоном воздух, лёгкой струйкой проникающий в приоткрытое окно, улучшили её самочувствие. Женщина подняла руку и призвала к тишине. Все затихли – даже неугомонный Денис и что-то шепчущая ему на ухо Виталия.

– Друзья, представьтесь именем, каким вас называли в детстве родные и близкие! Давайте по часовой стрелке. – Руководитель мини-тренинга повернула голову в сторону Полины.

– Меня папа и потом ребята в школе от фамилии Зайцева звали Зайка! – с неловкостью улыбнувшись, призналась Полина Валерьевна.

– Хорошо, Зайка. – Татьяна Ивановна покопалась в своей сумке и достала оттуда две аптечные резинки, протянула их участнице. – Вот, держи, закрути ими волосы в два хвостика – это будут твои заячьи уши!

Полина закрутила два хвостика над ушами и, одетая в белую футболку и джинсы, и впрямь получилась похожей на зайчика.

– Гера, – представился Юрий Дмитриевич, – бабушка так звала. Это я по паспорту Юрий, а крестила меня бабушка как Георгия.

Татьяна Ивановна снова покопалась в сумке и достала октябрятский значок из советской поры, подозвала к себе Юрия Дмитриевича и приколола к его груди на клетчатую рубашку. Аленький кружок с золочёной головкой маленького Ильича заискрился на чёрном квадратице клетчатой рубашки.

Следом, вытянув загипсованную ногу, назвался Денис:

– Дусик! Это сестра так надо мной изгалялась, ну и родители следом.

– Чем мы подтвердим твою новую идентичность, – задумчиво ворошила предметы в своей огромной сумке ведущая. – Вот, держи этот толстый красный карандаш! Ты же с детства, поди, обои разрисовывал, Дусик?

Татьяна Ивановна сама приподнялась со стула и вручила карандаш художнику.

Затем вопросительно посмотрела на Виталию:

– А тебя как называли в детстве? Витуля, Виташа?

– Папа о сыне мечтал, у него даже имя для него было приготовлено: Виталий. Ну, в загсе изменили одну букву, назвали меня Виталия, а папа Виталькой звал, – усмехнулась Виталия. – У меня ведь и фамилия Величко, такая – вне пола. Виталия Величко. Иногда и с фамилией величал. Позже я едва отделалась от дурацкого Витальки, но это когда отец отчалил в другую семью.

– Что же тебе напомнит о том времени? Хорошо бы маленькую машинку...

– Верно, машинки он мне покупал.

– Но машинки я не припасла. – Татьяна Ивановна посмотрела на Дениса и вдруг протянула ему листок бумаги, вырвав его из блокнота:

– Дусик, карандаш у тебя есть – нарисуй Витальке машинку!

Вскоре к малиновому топику Виталии прикрепили белый листок бумажки с нарисованной на нём пожарной машиной.

– Ну что ж, мальчики-девочки, давайте начнём погружение в новую реальность. Кстати, на сеансе предлагаю вам называть меня тётя Таня!

Полненькая, мягкая, уютная тётя Таня в цветастом платье сразу сделалась для участников тренинга проще и ближе, чем строгая смотрительница Татьяна Ивановна.

Ведущая предложила всем участникам закрыть глаза и представить любимое место детских игр: сквер, детскую площадку, двор. Место было у каждого своё, конкретное, из его детства, но кроме себя маленького следовало разместить рядом и ещё присутствующих здесь друзей, представив их в детстве! Потом участники по очереди рассказывали, что и как видит каждый из них. И наконец Татьяна Ивановна призвала участников тренинга к взаимодействию. Обсудив видение детства каждым, за обобщённую декорацию выбрали площадку, увиденную Полиной.

Все участники тренинга сидели бледные под успокаивающим воздействием медитации. Из ноутбука звучала нежная музыка, в неё вплетались птичьи пересвисты из-за окна, и размеренный голос ведущей рисовал живописную картину какого-то далёкого острова и сказочно-синего моря.

– Давай, Зайка, расскажи нам, сколько тебе лет, что ты видишь вокруг, – мотивировала участницу Татьяна Ивановна.

– Мне шесть лет, я нахожусь в песочнице, в каком-то сумрачном дворе среди серых сталинских домов, закрывающих последними этажами солнце. Здесь, на площадке, сидят чужие мамы и бабушки, а я вышла гулять одна.

– Кого ещё ты там видишь? Ты играешь с другими детьми?

– Вижу грязные рожицы Витальки и Дусика, они совсем малыши и стучат своими совочками по деревянной кромке песочницы. Мне неинтересно с ними, и я с малышнёй не хочу играть. Я засмотрелась на большого мальчика, уже школьника, – это Гера на горку забрался. Но сейчас лето, а горка сколочена из досок – кататься на ней нельзя, только лазать.

– Подойди к Гере, Зайка. Встань и сделай шаг-другой. Пригласи его играть!

Зайка-Полина поднялась со своего места и сделала шаг в сторону, где сидел Юрий Дмитриевич. Не открывая глаз, она нащупала его плечо, скользнула рукой к его уху, к шероховатой после утреннего бритья щеке – они оказались очень тёплыми, нагретые лучом солнца, пробившимся в библиотеку.

– Гера, давай играть в догонялки! – Зайка хлопнула как бы Геру ладонью по плечу и резко побежала прочь из зала, будто за ней, шестилетней, действительно гнался зазнайка-второклассник.

– Ну что же ты сидишь, Гера? Догоняй! – скомандовала тётя Таня.

Юрий Дмитриевич открыл глаза, неуклюже вскочил, шумно отодвинув стул, и заспешил к двери, за которой только что исчезла Зайка-Полина.

В коридоре он наткнулся на Полину, стоящую спиной к стене, и, прильнув к ней, поцеловал её в щёку, как мог бы поцеловать девятилетний Гера какую-нибудь дошкольницу Зайку. Поцеловал и усмехнулся: игра, мол, и есть игра!

Полина тоже рассмеялась, чуть порозовела, ощущая радость, переполняющую грудь. Была не была! Она крепко, совсем не по-детски, обняла голову Юрия Дмитриевича и соединилась с ним губами! Но сжатый рот учителя не располагал к долгому поцелую.

В читальном зале Татьяна Ивановна продолжала тренинг с Виталькой и Дусиком – условно трёхлетками. Они и без тренинга тянулись друг к другу, но по ходу психодрамы предполагалось, что ввиду малого возраста они ещё не умели целоваться – пара просто нежно перемаживалась условными совочками в пустых кулачках.

Тренинг окончился, но день ещё продолжался, и участники разбрелись кто куда. У Дениса разболелась травмированная нога, и он поковылял в номер отдыхать, невежливо оттолкнув Виталию, подставившую ему своё почти детское плечо для опоры. Девушка поджала губы и вернулась в читальный зал: набрав из шкафов груды развлекательных журналов с яркими обложками, погрузилась в чтение. А Татьяна Ивановна, утомлённая, отправилась

отдыхать в свою комнату. После умственного напряжения у неё появлялось дрожание головы и слабела мелкая моторика пальцев.

Полина и Юрий Дмитриевич вышли на улицу вместе – непривычные эмоции, охватившие их на тренинге, продолжали колокольчиками звенеть в ушах обоих. Они дошли до причала и взяли напрокат у лодочника вёсельную шлюпку. Сели напротив друг друга: Юрий Дмитриевич на вёсла, спиной к носу лодки, а Полина на корме, чуть откинувшись поясницей к бортику. Близость к природе дарила ей забытые ощущения радости – оказывается, в душе Полины жила романтика. Лёгкий трепет в груди возбуждал неясные желания. Юрий Дмитриевич, налегая на вёсла, делал сильные гребки. Он то откидывался назад, то наклонялся вперёд, приближая к Полине тоже слегка взволнованное перипетиями тренинга лицо, – и тогда она видела, как шевелятся ноздри его крупного носа. Гребец закатал рукава рубашки и расстегнул пуговицы, словно вырвался из клетки, впечатанной в ткань. В проёме расстегнутой рубахи виднелись сизые завитки – волосы учителя уже седели не только на голове. Полине виделся в его облике и движениях тайный зов к контакту, и он будоражил её.

Впервые она так долго и неотрывно разглядывала лицо Юрия Дмитриевича. Он и сейчас показался ей почти красивым, несмотря на заметные морщины у переносицы и подбородка. Вспотевшая прядь волос с макушки сдвинулась набок, обнажив глубокие залысины. Зато глаза оставались почти такими же, какие сохранились в её воображении со школьных лет: карие, с лёгким блеском и едва уловимой ироничностью. Полина отвела взгляд, но через секунду снова посмотрела на его губы... Губы, которые так и не раскрылись ей навстречу час назад во время сеанса психодрамы.

И невольно приоткрылся её собственный рот! Но тут же Полине стало неловко от своей взволнованности. Она стянула губы в ниточку, вдвинулась глубже к бортику кормы, пытаясь усмирить неожиданное желание. «Неужели я так изголодалась по мужской ласке, что не могу рядом находиться с мужчиной нигде, кроме работы?!» Утром определённо позавидовала Виталии, увидев её с Дениской, а сейчас разгорячилась оттого, что Юрий Дмитриевич с такой экспансией загребает вёслами!

Сидеть молча вдвоём было неловко, но учитель размахивал вёслами без слов. Полина отвела взгляд от визави: вокруг зеркальная поверхность озера отражала прояснившееся лазурное небо, столь редкое в этих широтах. Солнце медленно опускалось, цепляясь за верхушки сосен на другом берегу озера, – лучи слепили Полине глаза сквозь просветы ветвей.

– Юрий Дмитриевич, вы только посмотрите, какая красота! И солнце как живое, подглядывает за нами!

Мужчина не отвечал, продолжая сосредоточенно загребать вёслами.

– А можно я вас сфотаю? – решила Полина и достала смартфон из дорожной сумочки с ремешком, перекинутым через плечо. Прицелилась глазком фотокамеры на своего матроса. – Улыбнитесь!

Юрий Дмитриевич чуть раздвинул губы, будто аутист, избегающий общения. Однако аутисты не ходят в распахнутых на груди ярких рубашках! Молодая женщина, вертя телефоном так и этак, нажимала кнопки съёмки, затем навела камеру на себя и сделала селфи. Она не предложила сфотаться вдвоём, да и раздельное расположение их в шлюпке было неудобным для такой фотосессии. Убрав телефон в сумочку, попросила:

– Юрий Дмитриевич, давайте поменяемся местами. Я хочу попробовать погрести.

– А ты умеешь?

– Не знаю, когда-то пробовала.

– Ну давай поменяемся.

Они одновременно встали боком по ходу движения, лицом друг к другу, и лодка покачнулась. Импульсивно обнялись и стояли так, едва удерживая равновесие на покачивающейся с

борта на борт шлюпке. В какой-то момент физик, подшучивая над страхом Полины, нарочито качнул лодку ногами – Полина вскрикнула, зажмурив глаза. Юрий Дмитриевич рассмеялся, аккуратно усадил Полину на скамейку с вёслами и сел рядом сам.

– Давай вместе вёслами поработаем. Бери левое весло, а я правым буду загребать.

Через минуту-другую у них стали получаться слаженные движения вёслами, и лодка заскользила в противоположную от пансионата сторону. Вскоре достигли другого берега. Пришвартовались, закинув цепь, приваренную к носу шлюпки, на торчащую из воды корягу. Теперь лишь зелёная ряска мелководья отделяла озеро от пологого склона, поросшего осинами и берёзками. На верхней кромке склона лепились домики какой-то турбазы.

Юрий Дмитриевич огляделся по сторонам и заметил неподалёку баньку: из трубы шёл лёгкий дымок.

– Кажется, мы вломились в чужой монастырь! – пошутил учитель.

Полина не обрадовалась признакам жизни: за те четверть часа, что они плыли в шлюпке по озеру, она погрузилась в состояние «наедине с мужчиной», и теперь трудно было снова настраиваться на присутствие других людей. На эту часть берега солнце не попадало, и Полина ощутила зябкость наступающего вечера. Как-то она легкомысленно одета: в джинсах, но топик без рукавов!

– Как солнце уходит, так уже будто и не лето. Чувствуете, как на этом берегу прохладно? И ветер поднялся. – Полина обхватила себя руками, пытается согреться.

– У воды всегда так в сумерках. Сейчас высадимся на берег, разомнёмся и сразу разогреемся! – Юрий Дмитриевич спрыгнул с лодки и тотчас по щиколотки увяз в прибрежном болотце.

Сделал шаг-другой – грязь хоть и чавкала под ногами, но вглубь не тянула. Юрий Дмитриевич вернулся к лодке, протянул руки к Полине:

– Не бойся, иди сюда, я помогу.

Полина остановилась на носовой банке шлюпки, с опаской глядя вниз. Учитель обхватил её ноги под коленями и, чуть откинувшись назад, принял на себя вес молодой женщины. Полина придерживалась за плечи своего спасителя. Вытаскивая поочерёдно увязающие в топком болотце ноги, учитель двинулся со своей ношей к сухому пятачку. Наконец опустил девушку на прибрежную тропинку и с облегчением выдохнул.

Не успели путники разжать объятия, как услышали голос:

– Вот так сюрприз! Батя!

Оба повернулись на голос: рядом стоял длинноногий худощавый парень – на вид лет тридцати – в рабочем комбинезоне и, как показалось Полине поначалу, с испачканным сажей лицом. Но подойдя ближе, она поняла, что это не сажа, а модная трёхдневная небритость затемняла его подбородок и щёки. За спиной свисали тёмные волосы, увязанные в хвост.

Юрий Дмитриевич торопливо отдалился от Полины, пытаясь скрыть смущение, заговорил громко:

– Привет, сынок! Ты здесь работаешь, что ли? Баньку топишь? Кстати, знакомься: Полина, моя бывшая ученица! – И, отступив ещё на шаг от спутницы, представил ей парня: – Это Фёдор, сын.

Рабочий скривил губы в ядовитой усмешке, резво достал из кармана штанов смартфон и быстрым движением сделал фото отца и его женщины со словами:

– Семейный портрет! Не возражаете?

Полина кивнула и натужно улыбнулась. Юрий Дмитриевич не обратил внимания на выходку сына и миролюбиво спросил:

– Сынок, может, пустишь нас погреться, чайку попить?

– Баня для помывки не готова. Я пока лишь дымоход печи проверял, чуть протопил, но вода едва тёплая. Чайник мы тоже в бане не оставляем. Раз было: подростки взломали и украли весь скарб.

Парень явно не отличался гостеприимством: смотрел на родителя с его женщиной крысёнышем.

Полина разгадала его эмоции, когда Фёдор задал отцу новый вопрос:

– Ты с матерью разговаривал?

– Разговаривал о чём? У вас какие-то дела ко мне?

– Какие у нас могут быть дела? Ты ушёл – с тебя взятки гладки. А мать на старости лет надрыдается, пашет аниматором в пансионате. Пенсию назначили, но на неё разве проживёшь?

– Работает аниматором? В каком пансионате?

– В том самом, откуда вы приплыли с дамой. Ты её не видел, что ли?

– Нет, не видел. Я и тебя не ожидал здесь встретить.

– Ладно, проехали. Увидишь – передай привет!

Фёдор повернулся и пошёл снова разбираться с дымоходом баньки.

– Обязательно передадим привет! – пообещала Полина и заторопилась к берегу, к лодке, нос которой возвышался над корягой. И теперь уже сама, проваливаясь в прибрежную трясику, добралась до лодки.

Всю романтику вечера поглотила чавкающая под ногами грязь.

Юрий Дмитриевич пробирался следом, досадуя о неожиданной встрече с сыном. С Фёдором и так отношения прохладные – а точнее, никакие – после того, как он развёлся с его матерью. И, разумеется, совсем не ожидал встретить в пансионате бывшую жену Лизу. Думал, что она по-прежнему подвизается в каком-нибудь театре. Когда-то Лиза была неплохой актрисой, но сильная конкуренция и возраст, видимо, стали помехой её работе: жена была старше физика на несколько лет. Уже пенсионерка! Она мельком говорила ему, что ищет другую работу. Но он не верил, что она может уйти из театра. Выходит, ушла и устроилась в пансионате! Вместе с досадой на сына Юрий Дмитриевич испытывал и неудобство перед Полиной. Сорвалась романтическая прогулка с ученицей.

И опять лодка плавно скользила по озеру, лишь изредка слышались лёгкие всплески воды от вёсел. Над озером поднимался туман. Полина попыталась расспросить учителя о семье, но он был немногословен: в разводе с женой Лизой уже три года и отношений с ней не поддерживает.

Когда пара догребла до причала пансионата, солнце окончательно скрылось за лесом. Юрий Дмитриевич проводил Полину до её номера, оглядываясь по сторонам. Ему не хотелось так же неожиданно столкнуться сейчас с бывшей женой, как он столкнулся с сыном.

По дороге в столовую он подошёл к стойке ресепшена и спросил, где можно найти аниматора Елизавету Николаевну. Дежурная ответила, что она уехала в райцентр на совещание методистов и завтра-послезавтра должна вернуться. Предложила уточнить день у директора пансионата. Но физик решил не спрашивать, а уехать сегодня же вечером на электричке домой: всё равно спокойного отдыха уже не будет. Каждая их встреча с Лизой завершалась ссорой!

Это был последний вечер, когда музейная группа в полном составе собралась в столовой пансионата, за одним общим столом. Обсуждали планы на завтра, но лишь Денис и Виталия были оживлены, предлагали жарить шашлыки. Однако Полина хотела просто поваляться на пляже, может, покупаться, если достаточно прогреется вода, а вечером, если получится, снова покататься на лодке с физиком. Но Юрий Дмитриевич неожиданно заявил, что у него в городе дела, так что он уезжает через час. Полина погрустнела.

На другой день с утра погода стояла солнечная, и Полина с Татьяной Ивановной отправились на пляж. Но к вечеру набегали тучи, пошёл дождь, похолодало – надо было искать развлечение под крышей. Полина читала афишу мероприятий, вывешенную на двери корпуса. Гостей пансионата приглашали в библиотеку на видеообзор местных достопримечательностей. Мелкими буквами под объявлением сообщалось, что сеанс ведёт культорг-аниматор Елизавета Николаевна». Полина поняла, о ком идёт речь: это и есть бывшая супруга Митрича.

Татьяна Ивановна ушла отдыхать в свою комнату, а Полина сразу направилась в сторону библиотеки. Набралось с десятков слушателей, все были незнакомы Полине.

Видеолекция состоялась в том же зале, где несколько дней назад у работников музея проходил тренинг. Каким счастливым он оказался для Полины, когда бонусом его стал поцелуй с Юрием Дмитриевичем! Пусть не настоящий, а как бы психотерапевтический, но было чертовски приятно! Полина села на кресло в последнем ряду, так что между нею и другими зрителями оставалось два пустых ряда.

У компьютера, управляющего проектором, уже суежилась ведущая – немолодая, но яркая женщина. На ней были платье «в горошек», модное в этом сезоне, и туфли на высоком каблуке, а её иссиня-черные волосы – безусловно, крашенные – роскошными кудрями падали на плечи. Алая помада на губах довершала образ. Полина, разглядывая её, пыталась совместить эту пару: эффектную актрису и мало уделяющего внимания своему внешнему виду Юрия Дмитриевича. Вот уж поистине «дельфин и русалка»!

Елизавета Николаевна заговорила, и слушатели затихли. Речь ведущей была профессионально чёткой, с нужными паузами и ударениями, да и голос почти молодой, без старческого дребезжания! Потом она показывала слайды и видеоролики: на экране мелькали сосновый лес, озеро, церковь на пригорке, а также старые финские строения, сохранившиеся в этих краях с довоенного времени. Но даты и фамилии архитекторов пролетали мимо ушей Полины. У неё вызвала любопытство только сама женщина-культорг: хотелось понять, что связывало таких разных людей, как физик и актриса.

Когда лекция закончилась, отдыхающие окружили ведущую и стали задавать вопросы, но у Полины не хватило решимости заговорить с ней. Она быстро встала и, не оглядываясь, направилась к выходу. Однако аниматор окликнула отдыхающую, назвав по имени:

– Постойте, девушка. Вы – Полина?

– Да. – Жар полыхнул к щекам Полины.

Впрочем, освещение в комнате было приглушено для показа слайдов, и никто бы не заметил взволнованный вид Полины.

– Подождите, пожалуйста. Я сейчас закончу, у меня разговор к вам имеется!

Полина вернулась в своё кресло.

Вскоре вопросы отдыхающих к лектору иссякли. Елизавета Николаевна убрала в шкаф аппаратуру и диски с записями, подошла к Полине:

– Ну, давайте ещё раз знакомиться. Елизавета Николаевна, бывшая супруга Ольшевского. А вы, надо полагать, его бывшая ученица – Полина? Как вас по отчеству?

– Можно без отчества.

– Тогда и ко мне можно обращаться просто «Елизавета»! Предлагаю пообщаться в кафе. Полина пожала плечами.

Елизавета Николаевна взяла Полину под руку и повела её по коридору, по дороге объяснив, что ей звонил сын и сообщил, что отец приехал в пансионат со своей бывшей ученицей. И даже прислал фото путешествующей пары. Так что она сразу угадала среди зрителей Полину по её замечательным глазам.

Женщины зашли в небольшое кафе рядом со столовой. Обе заказали по два разноцветных шарика мороженого.

Поговорили немного о погоде. Елизавета Николаевна стала расспрашивать Полину о работе в музее, о том, при каких обстоятельствах она начала встречаться с Юрием Дмитриевичем. И поинтересовалась, почему он уехал домой, когда остальные гости ещё здесь.

Полина ответила, что ничего не знает о причине отъезда учителя. И добавила:

– Вы ошибаетесь. Мы с Юрием Дмитриевичем не «встречаемся» в общепринятом смысле. Мы просто вместе работаем в музее. И сюда приехали всем коллективом, потому что в музее идёт ремонт.

– Вот как! Значит, он бросил свой кружок робототехники и теперь работает в музее? И даже сыну ничего не сказал! Интересно, что за музей, где физик пригодился?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.